

Не то это было иллюзией Цинь Гуаньланя, не то его тело и впрямь слегка подрагивало.

Почувствовав неладное, Цинь Гуаньлань тут же включил торшер у дивана и сделал два шага вперед, чтобы проверить состояние Е Ци.

Половина лица Е Ци утопала в подушке, а другая, оставшаяся открытой, выделялась болезненной бледностью с лихорадочным румянцем, покрытая испариной. Сухие губы были мертвенно-белыми, лишенными всяких признаков крови.

Растрепанные на лбу пряди спутались и отсырели от потливости, влажные ресницы едва заметно дрожали.

В этот момент Е Ци словно сбросил все свои шипы, являя миру каплю уязвимости.

Далекие воспоминания всплыли в памяти: Цинь Гуаньланю показалось, будто он снова видит того самого маленького Е Ци, сжавшегося в комочек у ворот семьи Сун тринадцать лет назад — хрупкого и беспомощного.

Тринадцать лет... прошло слишком много времени. Настолько много, что Цинь Гуаньлань почти успел все забыть.

Нахмурившись, Цинь Гуаньлань протянул руку и коснулся лба Е Ци — тот обжигал.

Телосложение у Е Ци было слабым, и, вероятно, всё из-за того, что несколько часов назад он слишком долго простоял на ледяном ветру у порога дома семьи Сун, вот и подхватил лихорадку.

Отыскав в тумбе под телевизором аптечку, Цинь Гуаньлань измерил температуру электронным градусником — у Е Ци было уже почти сорок.

Взгляд Цинь Гуаньланя помрачнел, он слегка потряс Е Ци за плечо:

— Оснись, Е Ци...

Е Ци крепко хмурил брови, его ресницы непрерывно дрожали, но разлепить глаза он не мог, лишь издавая из глубины горла слабые, мучительные стоны.

Цинь Гуаньлань, мне так плохо... так плохо, будто умираю.

Вернувшись в спальню за плотным пуховиком, Цинь Гуаньлань собрался одеть Е Ци и сначала приподнял его с дивана.

У Е Ци совершенно не осталось сил, и он, объятый жаром, безвольно осел прямо на руки Цинь Гуаньланю.

Тело Цинь Гуаньланя на мгновение оцепенело, но затем он привычно поддержал Е Ци за спину. Из-за чрезмерной худобы парня сквозь слой мягкой хлопковой ткани можно было отчетливо ощутить очертания его лопаток.

Надев на больного верхнюю одежду, Цинь Гуаньлань взвалил его, полуживого, себе на спину и отправился в больницу.

Высокая температура у Е Ци то спадала, то поднималась вновь. Он провел в больничной палате целых три дня: стоило жару отступить днем, как среди ночи он взлетал опять.

Здоровье самого Цинь Гуаньланя всегда было отменным, он редко простужался и уж тем более лихорадил, а потому ему еще не доводилось видеть, чтобы кто-то из взрослых так тяжело переносил жар.

Наверное, в ту ночь ему не стоило позволять Е Ци спать на диване.

Сам Е Ци пребывал в каком-то полузабытии: стоило температуре спадать, как он приходил в себя и ничем не отличался от обычного.

Но когда жар накатывал с новой силой, рассудок его мутился. Порой по ночам ему снились кошмары, и он в бреду тихо шептал: «Мама Цзян Хуайнин».

Цинь Гуаньлань добровольно взвалил на себя эту ношу, все эти дни ухаживая за Е Ци в больнице.

На третью ночь он неожиданно для себя услышал, как во сне Е Ци произнес его имя.

— Цинь Гуаньлань...

Хриплый, слабый голос, тихий невнятный бред, в котором смешались не поддающиеся расшифровке эмоции.

Сидя у больничной койки, Цинь Гуаньлань прекрасно понимал, что Е Ци бредит, но всё же тихо спросил:

— Зачем ты меня зовешь?

Подождав с полминуты в тишине, он уже решил, что ответа не дождется, как вдруг до его

слуха снова донесся слабый хриплый голос, всего три слова:

— Ненавижу тебя...

Взрослые люди редко бросаются подобными фразами о ненависти. Подобно капризам или со зла брошенным упрекам, Е Ци в этот момент выглядел донельзя по-детски наивным.

Цинь Гуаньлань знал, что Е Ци не капризничает — тот и впрямь ненавидел его. И оставалось лишь удивляться, как ему хватало терпения делить крышу со столь ненавистным человеком.

На четвертый день лихорадка Е Ци наконец отступила окончательно, и он понятия не имел, что наговорил в полусне.

За время болезни он ел мало, да и то, что удавалось проглотить, тут же выходило обратно. Всего за несколько дней он словно ссугулился и высох наполовину.

Когда Цинь Гуаньлань вошел, Е Ци как раз болтал с молодой симпатичной медсестрой, выглядя вполне бодрым.

Уж неизвестно, о чем они толковали, но девушка прикрыла рот рукой, смущенно хихикая, и атмосфера царила самая непринужденная.

Заметив в дверях фигуру Цинь Гуаньлани, Е Ци тут же умолк.

Взгляд медсестры пару раз метнулся туда-сюда между ними, после чего она принялась собирать свои вещи:

— У меня еще есть дела, пойду работать. Иди домой и хорошенько выспись.

— Обязательно.

Пройдя до половины палаты, медсестра вдруг остановилась.

— Ах да, — она быстро бросила взгляд в сторону Цинь Гуаньлани и с улыбкой обратилась к Е Ци: — Все эти дни за вами ухаживал тот красивый молодой человек. Говорят, он даже ночами не спал — у вас ведь наверняка прекрасные отношения?

В руках Цинь Гуаньлани покачивался термopakет, а на лице не отражалось никаких эмоций.

Е Ци тоже улыбнулся медсестре, словно намеренно интригуя:

— Не скажу.

Допытываться дальше девушка не стала и покинула палату с таинственной улыбкой на губах.

Не сказав ни слова, Цинь Гуаньлань установил перед Е Ци складной столик, достал из термопакета контейнеры с едой и аккуратно расставил их.

Е Ци наблюдал за каждым движением мужчины, собираясь что-то сказать, но так и не решился.

Разумеется, он прекрасно знал, что все это время за ним ухаживал Цинь Гуаньлань, только вот человечности в этом парне оказалось куда больше, чем он думал.

В пятнадцать лет они с Сом Цзыюем подрались, из-за чего тот упал с лестницы и сломал левую ногу.

Тогда Е Чун стальной трубой наотмашь переломал левую ногу и самому Е Ци, и лежал он в больнице буквально в соседней палате с Сун Цзыюем.

В те дни Цинь Гуаньлань то и дело навещал Сун Цзыюя, окружив его самой заботливой опекой.

А Е Ци, словно какой-то воришка, с трудом опираясь на костыли, прятался в темном углу и подглядывал в щель приоткрытой двери.

В чистой и светлой больничной палате Е Ци, не испытывая особого аппетита, с придирчивым видом ковырялся в обеде, который Цинь Гуаньлань принес из ресторанчика неподалеку.

Сам Цинь Гуаньлань стоял у дверей и обсуждал по телефону рабочие дела с подчиненным.

Завершив разговор, он повернулся и шагнул обратно в палату как раз в тот момент, когда Е Ци с досадой отбросил палочки — в коробке оставалось еще добрые две трети еды.

Сделав скидку на то, что Е Ци болен, Цинь Гуаньлань не стал ничего говорить.

Вместо этого он завел речь о другом:

— Прошлой ночью, пока ты спал, тебя навещала госпожа Сун.

Вытащив из кармана пальто банковскую карту, Цинь Гуаньлань положил ее на маленький столик перед Е Ци:

— Она попросила передать это тебе.

Тут же он назвал и шестизначный пин-код.

Е Ци понятия не имел, с чего бы Цзян Хуайнин вдруг навещать его, но почему-то сразу вспомнил, что эта комбинация цифр — день рождения Сун Цзыюя.

Видимо, Цинь Гуаньлань посчитал, что нынешняя жизнь Е Ци недостаточно полна невзгод, и решил нанести ему еще один удар — вроде бы пустяковый, но неприятный.

И тем не менее, Е Ци не собирался ссориться с деньгами. Он забрал карту и небрежно бросил:

— Что-нибудь еще она сказала?

— Ничего.

Оперевшись спиной о спинку койки, Е Ци равнодушно протянул «ага», как вдруг прямо перед его глазами возникла длинная сильная рука, зажавшая другую банковскую карту.

Е Ци машинально поднял голову и встретился взглядом со спокойными глазами Цинь Гуаньланя.

— Это от меня.

Не проявив ни капли благодарности, Е Ци мысленно вновь обругал Цинь Гуаньланя сумасшедшим.

Прямо в лоб он язвительно усмехнулся:

— Чего это ты вдруг размяк? Совесть втайне загрызла? Уж не твоих ли рук дело банкротство нашей семьи?

Цинь Гуаньлань парировал с той же издевкой:

— Молодой господин Е слишком преуспел в переоценке моих скромных возможностей.

— Бери, пригодится.

Руководствуясь принципом «дают — бери», Е Ци карту забрал. В конце концов, можно считать это долгом перед Цинь Гуаньланем, а когда он сам снова встанет на ноги, то вернет всё в

двойном размере.

Хотя было неизвестно, настанет ли вообще такой день — пожалуй, купить лотерейный билет было куда надежнее.

Мысленно высмеивая себя и рассеянно вертя в пальцах банковскую карту, Е Ци вдруг услышал над головой голос Цинь Гуаньлани, назвавшего его по имени:

— Е Ци.

Снова подняв глаза, Е Ци встретился с бесстрастным лицом Цинь Гуаньлани и услышал его ровный тон:

— Больше без нужды не ходи в дом семьи Сун.

За окном завывал ледяной ветер, и пальцы Е Ци, крутившие карту, замерли на полудвижении.

Вот оно что. Цинь Гуаньлань дал ему эти деньги вовсе не из желания помочь, а чтобы он больше не смел соваться к семье Сун, не беспокоил Цзян Хуайнин и Сун Цзыюя.

Уголки губ Е Ци дернулись в ухмылке:

— Цинь Гуаньлань, ты ведь уже несколько лет как съехал от Сунов, а все продолжаешь хранить им такую собачью преданность.

Не дожидаясь реакции Цинь Гуаньлани, он сам себе кивнул с усмешкой:

— Ладно, раз уж деньги я взял, то, разумеется, выполню твоё требование.

Лицо Цинь Гуаньлани мгновенно почернело. Его пронзительный взгляд намертво впился в Е Ци, а в глубине глаз клубилась такая буря, будто он был готов разорвать сидящего перед ним человека на куски.

Но в конце концов он лишь сухо и бездушно бросил:

— Днем тебя выпишут, а у меня дела в компании, я поехал.

Пожалуй, ему просто надоело тратить слова на столь нерассудительного и неблагодарного человека, как Е Ци.

С этими словами Цинь Гуаньлань развернулся и направился к выходу.

Пройдя пару шагов, он внезапно замер и, не оборачиваясь, бросил напоследок:

— Если не хочешь жить у меня, можешь съехать.

Тело Е Ци слегка оцепенело. Промолчав, он проводил взглядом высокую фигуру, постепенно растворяющуюся вдали.

Посмотрев еще немного на пустой дверной проем, Е Ци разом лишился всех сил и безвольно рухнул на больничную койку, чувствуя, как в груди закололо от мелких, частых уколов.

Он прекрасно понимал, что только что сказанные им слова прозвучали слишком жестоко. Как-никак, Цинь Гуаньлань действительно выручил его и возился с ним все эти дни.

Но слово — не воробей, вылетит — не поймаешь.

Уж таков у него был скверный язык: пользуясь своим положением в прошлом, он обидел немало людей, и Цинь Гуаньланю доводилось слышать от него вещи куда хуже.

Натянув одеяло с головой, Е Ци беззвучно выругался.

Докатился до такой жизни, а все продолжает строить из себя недотрогу, цепляясь за жалкие остатки своей гордости и высокомерия?

В этот момент снаружи донеслось двукратное постукивание в дверь.

Отрезвленный этим звуком, Е Ци сбросил одеяло и выглянул наружу: в проеме стоял незнакомый молодой человек в деловом костюме и галстуке, с букетом цветов в руках.

— Здравствуйте, молодой господин Е, я помощник Су Юньму, для вас я просто Сяо Лю.

Мужчина вежливо улыбнулся:

— Председатель Су услышал, что вы заболели, и специально прислал меня навестить вас. Это цветы для вас.

Сяо Лю аккуратно поставил букет на прикроватную тумбочку.